

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 1751
УДК 882(09)

Звягина С.В.

Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина

«ЛАБИРИНТЫ СЦЕПЛЕНИЙ» В РОМАНЕ А.Ф. ПИСЕМСКОГО «МАСОНЫ»

Аннотация. В романе А.Ф. Писемского «Масоны» проанализирована интерпретация магистрального сюжета «Евгения Онегина» А.С. Пушкина. Установлено, что образ «идеальной девы» Татьяны Лариной накладывается на жизненные линии сестёр Рыжовых. Людмила, подобно Татьяне, «создаёт» себе идеального возлюбленного, Сусанна же стремится следовать главной заповеди пушкинской героини – верить в священные узы брака и героически хранить верность мужу. Эти «лабиринты сцеплений» демонстрируют, что в обществе первой половины XIX века прочно закрепился «Татьяны милый идеал». Писемский выступает против следования ему, поскольку подражание «идеальной деве» становится причиной загубленных жизней. Показано, что эту позицию писатель поддерживает путём использования реминисценций на другие художественные произведения и подкрепляет изображением так называемых идеальных людей – масонов.

Ключевые слова: магистральный сюжет, литературные реминисценции, пушкинский идеал.

S. Zvyagina

Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

“LABYRINTHS OF LINKAGES” IN THE NOVEL “MASONS” BY A. PISEMSKY

Abstract. In the novel “Masons”, A. Pisemsky analyzed the interpretation of the main plot of “Eugene Onegin” by A. Pushkin. The type of Tatiana Larina, “an ideal lady” has been found to be similar to the life lines of the sisters Ryzhov. Like Tatiana, Lyudmila “creates” an ideal beloved, while Susanna strives to follow the most basic commandment of Pushkin’s heroine: to believe in the sacred bond of marriage and to be faithful to her husband heroically. These “labyrinths of linkages” demonstrate a lovable ideal of Tatiana to be firmly fixed in the society of the first half of 19th century. Pisemsky argued against complying with this ideal, since the imitation of “an ideal lady” makes people ruin their lives. It is shown that the writer expressed this point of view by using reminiscences to other literary works, and supported it by presenting the so-called ideal people – masons.

Keywords: main plot, literary reminiscences, Pushkin’s ideal.

Роман «Масоны» – яркий аккорд идейно-художественной эволюции творчества Алексея Феофилактовича Писемского. Работа над этим произведением длилась с 1878 по 1880 год. В нём много действующих лиц, «бурных и трагических событий» [9, с. 482], при этом, как полагают исследователи, лишь в некоторых выведенных Писемским образах прослеживается свойственное писателю «в период расцвета его таланта умение создавать жизненно убедительные фигуры» [6, с. 523].

«Масоны» – результат переосмысления Писемским мощного потока идей и образов тайного ордена, которого к 1835 году (времени действия романа) как такового уже не существовало: орден сохранился «лишь <...> в лице нескольких отживающих свой век людей» [10, с. 464–465], ведущих свою деятельность «в тишине».

В этом последнем по хронологии романе Писемский оперирует сведениями, почерпнутыми из архивных источников, однако большая часть действия разворачивается в неназванном провинциальном городке, что ослабляет исторический хронотоп романа [19, с. 135]. В соответствии с историческими данными, Писемский изображает М.М. Сперанского, А.Н. Голицына, С.С. Ланского, однако их образы лишь поддерживают общий ход действия и создают атмосферу реалистичности событий. Серьёзному переосмыслению Писемский подвергает и фигуру Ю.Н. Бартенева – прототипа главного героя романа Егора Егоровича Марфина [17, с. 183].

Исследователями (С.Н. Плеханов, П.Г. Пустовойт, А.Н. Пыпин, А.А. Рощаль, А.В. Тимофеев) достаточно подробно рассмотрена историческая по-

доснова «Масонов». Однако значимое для Писемского обращение к магистральному пушкинскому сюжету не получило должного освещения. Поэтому в центре нашего внимания – изучение оригинальной интерпретации романа «Евгений Онегин», который, согласно утверждению С.Г. Бочарова, является «лабораторией возможных сюжетов» [2, с. 67].

Обращение к «Евгению Онегину» – одна из отличительных черт поэтики творчества Писемского. Перенесение писателем на образы своих героинь черт «существа исключительного» [1, т. 7, с. 484] – «идеальной девы» [1, т. 7, с. 478] Татьяны Лариной, стало для Писемского традиционным. При помощи пушкинской Татьяны Писемский разрабатывает в своих произведениях проблему тождества/разрыва между книжным идеалом и жизнью, сталкивая художественный образ с реальной действительностью.

В.Г. Белинский писал: «Идеалы скрываются в действительности; они – не произвольная игра фантазии, не выдумки, не мечты; и в то же время идеал – не слепок с действительности, а угаданная умом и воспроизведённая фантазией возможность того или другого явления» [1, т. 8, с. 89].

У каждой эпохи своё представление об идеале, и «русская литература “от начала” чревата исканиями идеалов, которые бы отличались истинностью и обладали свойством оправдать мир и жизнь в нём, оправдать страдание и “всё и вся” образовать – в соответствии с найденным идеальным образом» [4, с. 375]. Так и писатель Писемский «отправляется» в «Масонах» на поиски идеала. Он проводит в романе параллель между «идеальной девой»

Татьяной и сестрами Рыжовыми – Людмилой и Сусанной, причём изначально лишь Людмила ассоциируется с пушкинской героиней: именно по отношению к ней Писемский использует прилагательное «идеальная».

Людмила – «мечтательное существо», она, подобно пушкинской Татьяне, начитавшись после окончания института романов, по большей части рыцарских, нарисовала в своём сознании образ идеального мужчины, которым непременно должен был стать рыцарь, сарацин или же кавалерийский офицер. Её идеалу вполне подошёл бывший гусарский офицер Валериан Ченцов, слывший в обществе покорителем женских сердец. Ченцов никогда не скрывал своих любовных походов, при этом в глазах женщин только «возвышался и поселял в некоторых желание отбить его у других» [11, с. 28]. Людмила же видела другого Ченцова – красивого и величественного. Она, как и пушкинская героиня, создала себе книжный образ возлюбленного. Для неё настоящий Ченцов не существовал, как для Татьяны «не существовал настоящий Онегин» [1, т. 7, с. 489].

В Людмилу влюблён центральный герой романа – «последний из могокан» [12, с. 442] в масонстве – Егор Егорович Марфин. Герой уже не молод и главным мотивом для супружества считает душевное благородство и нравственную безупречность избранницы; он влюблён «совершенно идеально». «Вас я паче всех женщин почитаю и прошу Вашей руки и сердца» [11, с. 24], – пишет он Людмиле в письме, и, как того требует масонский обычай, прилагает к нему белые перчатки – знак высочайшего почтения.

Людмила отказывает Марфину, поскольку влюблена в Ченцова. С ним она поддаётся искушению любви, однако под давлением нравственных мук, Людмила отрекается от него. Мать увозит её в Москву, где от неблагополучных родов она умирает.

Время действия романа – 1835 год, период, когда поэтический образ Татьяны, сказавшей Онегину: «Я вас люблю (к чему лукавить?), / Но я другому отдана; / Я буду век ему верна» [15, с. 162], ещё жил в сознании общества.

Нравственно безупречная Татьяна, продолжая глубоко и нежно любить Онегина, ставит институт брака превыше всего. Моральные устои не позволяют пушкинской героине разрушить священный союз, который в её сознании воспринимается как нечто вечное и нерушимое. Сильно развитое чувство долга берёт в ней верх над другими чувствами: «Я вышла замуж. Вы должны, / Я вас прошу, меня оставить» [15, с. 162], – говорит она Онегину, строя свою жизнь на основе патриархальных народных традиций, сохраняя «привычки милой старины» [15, с. 44].

Подобной непоколебимой верой в священные узы брака Писемский одаряет религиозную Сусанну. Она после смерти Людмилы, с предварительного её одобрения, выходит замуж за Марфина, своеобразно принимая на себя ореол идеальности сестры.

Примечательно, что Егор Егорович никогда не называл Сусанну одним лишь именем, как Людмилу и их младшую сестру Музу: он всегда прибавлял отчество, желая тем самым «выразить какое-то инстинктивное уважение к ней» [11, с. 80]. К браку с Сусанной, как и в случае с Людмилой, его влекут

высшие потребности – эта девушка достойна быть принятой в масонскую ложу.

Писемский видит в масонстве «выражение извечного стремления лучших людей русского общества к правде и справедливости» [8, с. 147], ведь главная цель масонства – нравственное совершенствование человечества [3]. Егор Егорович Марфин, как человек положительный во всём, живёт в соответствии с этой позицией. Сила Марфина, по мнению М.П. Еремина, в его безукоризненной добропорядочности, бескорыстии и честности. Эти качества настолько ярко выражены в нём, что все, кто с ним общается, не могут относиться к нему без уважения [5, с. 50]. Именно на уважении к его личности и поступкам, а также на увлечении традициями и идеологией масонов и базируется выбор Сусанной мужа. Брак героев – брак духа, основанный на высших потребностях, а не на чувственной любви, это идеальный союз. Однако понять такую любовь способны не все. Влюблённый в Сусанну молодой гвардеец Пётр Александрович Углаков не верит в искренность её чувств по отношению к Марфину, и, оставшись с ней наедине, спрашивает: «Зачем вы вышли замуж за такого старика?» [11, с. 303]. Углаков считает, что люди любят друг друга, когда у них есть что-нибудь общее, а у «старенького грибка» и «сильфиды» ничего общего быть не может. При этом он прекрасно понимает, что Сусанна никогда не покинет мужа, и просит лишь разрешить быть влюблённым в неё. Девушка отказывает ему, объясняя это тем, что в его любви не нуждается. Сусанной движет голос разума: она боится признаться самой себе, что испытывает чувства к

Углакову, боится, что он погубит её, и поэтому старается подавить «порыв молодого сердца» [11, с. 349].

Углаков, как было сказано выше, сравнивает Сусанну с «сильфидой», это в очередной раз отсылает нас к Пушкину, который, в частности, в своём стихотворении от 1829 года к Е.Н. Ушаковой пишет:

«Вы сами знаете давно,
Что вас любить немудрено,
Что нежным взором вы Армида,
Что лёгким станом вы Сильфида,
Что ваши алые уста,
Как гармоническая роза...» [14, с. 149].

В «Словаре языка Пушкина» сильфида – это лёгкое и подвижное существо в образе женщины, олицетворяющее стихию воздуха [18, с. 133].

Углаков с помощью этого обозначения подчёркивает красоту, возвышенность, совершенство молодой женщины. Однако лишь этой прямой характеристикой мотив обращения к образу сильфиды не исчерпывается. Сравнение, построенное на контрасте («сильфида» и «старенький грибок»), указывает ещё на рациональность действий и поступков героини, ей движут сомнения и страх, поэтому она неспособна, как Людмила, поддаться чувству. Именно это и служит причиной того, что Сусанна признаётся мужу, что Углаков объяснился ей в любви.

Мудрый Марфин на это откровение жены реагирует философски: «Что мужчина объясняется в любви замужней женщине – это ещё небольшая беда, если только в ней самой есть противодействие к тому, <...> ей остаётся одно: или победить себя <...>, или, что гораздо естественнее, идти без оглядки, куда влечётся она своим чувством» [11,

с. 401]. Сусанна твёрдо заявляет, что хочет побороть себя. Другого от неё вряд ли можно было бы ожидать в силу её ценностных ориентиров. И даже слова Марфина: «прошу тебя идти туда, куда влекут твои пожеланья...» [11, с. 401], не изменили решения Сусанны, поскольку, подобно Татьяне, она хотела быть верной женою.

В.В. Розанов в книге «Семейный вопрос в России» писал: «Татьяны милый идеал – один из величайших ложных шагов на пути развития и строительства русской семьи» [16, с. 352]. Сусанна этому пути неуклонно следует, и, чтобы чувства не взяли над ней верх, просит мужа увезти её за границу. Вынужденное путешествие способствует тому, что конфликт между чистой, возвышенной натурой девушки и одолеваемым чувством любви несколько утихает, а после неожиданной смерти Углакова окончательно исчерпывается, что позволяет Сусанне и далее исполнять свою высокую миссию – хранить верность супругу.

Следующий виток переживаний Сусанны связан с кончиной Марфина и завещанием, которое он оставил для неё. В нём Егор Егорович писал: «Ты должна полюбить, <...> чувства этого во всей полноте ты ещё не испытала. Благословляю тебя быть женой и матерью: любящее сердце твоё требует этого. В выборе твоём ты не ошибёшься: около тебя стоит человек, который любит тебя и достоин быть тобою любимым. Он есть Терхов» [11, с. 508]. Письмо-наставление Сусанну не обрадовало: она чувствовала себя виноватой в смерти мужа, однако, исполняя волю Марфина, всё же вышла за Терхова, чувство к которому явилось результатом привыкания к нему.

Писемский указывал, что все три сестры «были как бы не от мира сего» [11, с. 27]. Такой, не похожей на всех была и пушкинская Татьяна, черты которой присущи и Людмиле, и Сусанне, и в каждой из них они реализуется согласно их характерам и душевным установкам: Людмила «создаёт» себе идеального возлюбленного, Сусанна же стремится следовать главной заповеди пушкинской героини – твёрдо верить в священные узы брака и героически хранить верность мужу, при этом «подражание» «идеальной деве» таит в себе в романе Писемского печальное и трагическое начала.

Помимо сестёр Рыжовых заслуживает внимание образ ещё одной героини романа – Катрин Крапчик. Именно на ней после смерти Людмилы и женится Ченцов, с целью поправить своё материальное положение. Катрин знала Ченцова лучше Людмилы, однако мечтала: «пусть всё погибнет, <...> но только бы утопать в блаженстве с этим человеком!..» [11, с. 183].

Когда после свадьбы молодые супруги поселились в деревне, Валериан, чтобы хоть чем-то занять себя, принялся за чтение «Декамерона» Д. Боккаччо – единственного художественного произведения, обнаруженного в библиотеке отца Катрин. Новеллы этой книги, проникнутые духом свободомыслия и лишённые сословных предрассудков, привлекли внимание и Катрин; она с упоением слушала их. Однако, когда после развода с Ченцовым её управляющий – Тулузов предложил ей руку и сердце, соглашаться на этот брак Катрин не торопилась, боясь сословных предрассудков. Она, хорошо знавшая законы и обычаи дворянского сословия, прекрасно понимала:

«горе <...> той, которая снизошла своей любовью до мужчины, стоявшего ниже её по своему рангу» [11, с. 216].

Следует подчеркнуть, что Ченцов никогда не любил Катрин. Об этом, например, убедительно свидетельствует диалог героев на первом из описанных балов, где сообщается, что любимое произведение Валериана – «Цыганка» Баратынского, из которого он декламирует Катрин небольшой, но значимый в содержательном плане отрывок:

«... цыганка молодая

Сидела, бледная лицом...

Рукой сердитою чесала

Цыганка *чёрные* власы

И их на тёмные красы

Нагих плечей своих метала!...» [11, с. 13].

Эти строки, во-первых, определяют Катрин, которая имела *чёрные волосы*, а во-вторых (*сердитая рука*), что более важно, свидетельствуют о том, что у Катрин есть соперница – идеальная Людмила, единственная женщина, в любви которой для Ченцова «существовал настоящий рай!» [11, с. 190].

Проблематика идеальности/не идеальности поддерживается Писемским и непримечательным на первый взгляд разговором о пьесе А.С. Грибоедова «Горе от ума», а именно об отношениях Софьи и Молчалина. Какими они были: близкими или идеальными? Купец, по грубости своих понятий, утверждал первое. Другой второстепенный персонаж, Максинька, «как человек ума возвышенного» [11, с. 302], напротив, считал, что между грибоедовскими героями «существует совершенно чистая и неземная любовь» [11, с. 302].

Интересно отметить, что тема идеальности героев перекликается с идеей

о так называемых идеальных людях – масонах. При этом стремление к идеальности постепенно развенчивается Писемским. Так, жизнь масона Марфина протекает «в сфере высоких духовных поисков» [13, с. 252] и отдалена от реального мира; он только перед смертью понимает, что жил не так, как следовало. ореол идеальности, витающий на протяжении всего повествования над образом Людмилы, не помогает возродить её к жизни. А правильная Сусанна, выйдя после смерти Марфина за Терхова, боится оставаться в Москве, поскольку оценивает второе замужество как постыдный поступок.

П. Кропоткин писал: «лучшие умы страны прибежали к поэме, повести, сатире или литературной критике как к средствам для выражения своих воззрений <...> и своих идеалов». Художественное произведение, считал он, «неизбежно носит личный характер; как бы ни старался автор, но его симпатии отразятся на его творчестве, и он будет идеализировать то, что совпадает с его симпатиями» [7, с. 247]. И Писемский – не исключение. Его «лабиринты сцеплений»¹ (Людмила – Татьяна, Сусанна – Татьяна), показывают, что «Татьяны милый идеал», который закрепился в сознании русского общества 30-х годов XIX века, Писемским не поддерживается. Он, сделав пушкинский магистральный сюжет своим, выступил против «такой» идеальности, считая её причиной загубленных жизней. Следовательно, позицию Писемского можно определить как «идеальность в неидеальности».

¹ Л.Н. Толстой писал: «Сущность искусства <...> в <...> бесконечном лабиринте сцеплений» [Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1953. Т. 62. С. 269].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959.
2. Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. 632 с.
3. Брачев В.С. Масоны в России: от Петра I до наших дней [Электронный ресурс]. URL: http://tsibanoff.narod.ru/brachev_masony.pdf (дата обращения 11.04.2015).
4. Гачева А.Г., Казнина О.А., Семенова С.Г. Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М., 2003. 399 с.
5. Еремин М.П. Выдающийся реалист // А.Ф. Писемский. Собр. соч.: В 9 т. Т. 1. М., 1959. С. 3–52.
6. Еремин М.П. Примечания. Масоны (части 1–4) // А.Ф. Писемский. Масоны. М., 2011. С. 520–523.
7. Кропоткин П. Русская литература. Идеал и действительность. М., 2003. 320 с.
8. Лотман Л.М. Писемский – романист // История русского романа: В 2 ч. Ч. 2. М.–Л.: Наука, 1964. С. 121–148.
9. Мартынов И.А. Писемский // История русской литературы: В 10 т. Т. 8. Литература шестидесятых годов. Ч. 1. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 462–483.
10. Новости литературы // Русский вестник. 1881. № 1. С. 438–465.
11. Писемский А.Ф. Масоны. М., 2011. 532 с.
12. Писемский А.Ф. Письма. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936. 928 с.
13. Пустовойт П.Г. Строки, не увидевшие света // Вопросы литературы. 1966. № 9. С. 249–253.
14. Пушкин А.С. Е.Н. Ушаковой («Вы избалованы природой...») // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 3. Кн. 1. Стихотворения 1826–1836. Сказки. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 635 с.
15. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. Евгений Онегин. Драматические произведения. Л.: Наука, 1978. 527 с.
16. Розанов В.В. Семейный вопрос в России. М., 2004. 828 с.
17. Рошаль А.А. Из наблюдений над творческой историей романа А.Ф. «Масоны» // Русская литература. 1963. №1. С. 180–184.
18. Словарь языка Пушкина: В 4 т. Т. 4. М., 2000. 1225 с.
19. Ungurianu D. Plotting history: the Russian historical novel in the imperial age. Madison, Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 2007. 352 p.